

РУССКІЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ,

съ **ВЫСОЧАЙШАГО** соизволенія,

ВАСИЛЕМЪ ТИММОМЪ.

(Десятый годъ.)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1860.

**О ПОЗАИМСТВОВАНИИ
ПОРТРЕТОВЪ И РИСУНКОВЪ ИЗЪ РУССКАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЛИСТКА.**

Издающій, съ Высочайшаго соизволенія, Русскій Художественный Листокъ, академикъ Василій Тиммъ, въ представленной Г. Министру Императорскаго Двора запискѣ, изъяснилъ, что многія лица, особенно въ Москвѣ, постоянно заимствуютъ, для періодическихъ и отдѣльныхъ изданій, помѣщаемые въ Художественномъ Листкѣ портреты и рисунки, безъ указанія источника и безъ дозволенія его, Тимма; почему онъ и просилъ объ исходатайствованіи повелѣнія, дабы лица, желающія заимствовать изъ сего Листка рисунки и портреты, для выпуска въ свѣтъ, дѣлали это не иначе, какъ съ дозволенія самого издателя Художественнаго Листка.

По всеподданнѣйшему о семъ докладу, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, принимая просьбу Тимма уважительно, Высочайше повелѣть соизволилъ привести оную въ исполненіе.

Принимая во вниманіе, что художественная собственность вполнѣ ограждена у насъ особыми правилами, изложенными въ Св. Зак. (изд. 1842 г.) Тома XIV въ Уставѣ пред. прест. Прил. къ ст. 147, 2 прим. къ стат. 295 (по VII прод.) и что охраненіе сихъ правъ предоставлено полицейскимъ и судебнымъ мѣстамъ, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ о вышеозначенномъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ для свѣдѣнія и ценсурному вѣдомству, увѣдомилъ гг. начальниковъ губерній.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Комитетъ узаконенное число экземпляровъ
Санктпетербургъ, 30-го Декабря 1859 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 1. 36

1-го ЯНВАРЯ.

1860 года.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ О ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІИ ВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

При основаніи государствъ, въ древнія времена, конечно, не могли существовать вишіе, письменные законы, тѣмъ болѣе, что общества, находившіяся еще въ младенческомъ состояніи, не встрѣчали въ нихъ и надобности. Обычай и воля верховнаго главы служили тогда единственнымъ закономъ. Поэтому понятно, что и въ первыя времена существованія Руси не могло быть постановленій о престолонаслѣдіи и оно происходило отчасти по обыкновенному праву наслѣдства, отчасти по необходимости и обстоятельствамъ.

Рюрикъ, по смерти своихъ братьевъ, призналъ себя едино-властителемъ. Неизвѣстно, оставили ли Синеусъ и Труворъ потомство; но мужскаго вѣроятно не было, потому-что объ немъ, безъ сомнѣнія, не умолчалъ бы лѣтописецъ.

Умирая, Рюрикъ поручилъ правленіе и малолѣтняго сына родственнику своему *Олегу*, который, по завѣщанію предшественника, сталъ дѣйствительнымъ властителемъ и опекуномъ *Игоря*, повиновавшагося ему какъ отцу (*). Въ сказаніи лѣтописца объ этомъ событіи мы находимъ подтвержденіе того обычая древнихъ временъ, по которому всѣ неспособные, по природѣ, были безусловно удаляемы отъ престола и который легко объясняется простотою первобытныхъ началъ державоуправленія. По понятіямъ необразованнаго чловѣка, тотъ никакимъ образомъ не можетъ быть облеченъ въ санъ государя, кто не въ состояніи самъ править государствомъ. Поэтому то малолѣтніе, безумные, слѣпые и престарѣлые были удаляемы отъ правленія, какъ неспособные. Это правило мы находимъ въ древности у всѣхъ народовъ; но, въ тоже время, исторія показываетъ намъ и весь вредъ, проистекающій отъ примѣненія такого начала къ государствамъ, въ которыхъ гражданственность достигла уже извѣстной степени развитія. Итакъ, сынъ государя, въ случаѣ своего малолѣтства, былъ удаляемъ отъ правленія и мѣсто его долженъ былъ заступить ближайшій родственникъ, потому-что власть принадлежала владѣтельному дому и престолъ, подобно всякому другому имуществу, былъ семейнымъ достояніемъ. Малолѣтній же сынъ послѣдняго властителя, который, въ случаѣ совершеннолѣтія своего, непременно сдѣлался бы главою государства, былъ все-таки однимъ изъ важнѣйшихъ членовъ фамиліи и судьба его совершенно обезпечивалась тѣмъ, что заступившій его мѣсто усыновлялъ его. Но, съ другой стороны, подобныя отношенія

(*) Влѣто 6387 (879) умре Рюрикъ, княживъ лѣтъ 17: и предасть княженіе свое Ольгови, понеже отъ рода своего сына: и владѣ ему на рущѣ сынъ свой Игорь, понеже Игорь малъ бѣ лѣтескъ велѣни (Несторъ слич. Шлецеромъ. Ч. II, стр. 119).

неизбѣжно влекли за собою то невыгодное послѣдствіе, что усыновленный не прежде могъ вступить на престолъ, какъ по смерти своего названнаго отца, потому-что, по понятіямъ того времени, было бы совершенно несообразно сыну имѣть власть надъ отцемъ, что непременно случилось бы, еслибъ ближайшій родственникъ, заступившій мѣсто малолѣтняго, по достиженіи послѣднимъ совершеннолѣтія, долженъ былъ уступить ему престолъ. Съ такимъ образомъ представительства, который самъ по себѣ кажется очень основательнымъ, вполне согласуется и сказаніе Нестора. Онъ выводитъ Олега на сцену безъ всякой оговорки, безъ всякаго замѣчанія, какъ втораго властителя въ ряду князей русскихъ. Олегъ является точно въ такомъ же отношеніи къ Игорю, въ какомъ отецъ находится къ своему взрослому сыну: онъ приводитъ ему супругу (тогда отцы выбирали женъ своимъ дѣтямъ), предпринимая походъ въ Грецію, оставляетъ его въ Кіевѣ для управленія государствомъ и т. д.; но никакъ не считаетъ себя временнымъ правителемъ, который долженъ передать власть достигшему совершеннолѣтія сыну покойнаго государя; точно также и Игорь ни мало не старался овладѣть престоломъ, но во все время безпрекословно повиновался своему опекуну (*). Такимъ-образомъ Олега, преемника Рюрика, ни въ какомъ случаѣ нельзя считать ни похитителемъ престола, ни регентомъ государства. Въ мирномъ договорѣ съ Греками онъ прямо называется великимъ княземъ, а объ Игорѣ не говорится ни слова (**).

Только по смерти Олега, Игорь вступаетъ на престолъ (***). Несторъ, сообщая объ этомъ событіи (****), не прибавляетъ къ нему болѣе ни слова, потому-что не видитъ необходимости доказывать, на какомъ основаніи верховная власть принадлежала Игорю преимущественно предъ дѣтьми, которыхъ могъ оставить умершій князь. Если Олегъ и имѣлъ дѣтей, то они не могли быть приняты въ соображеніе, потому-что имѣли право получить въ наслѣдство только отцовское имѣніе.

По смерти Игоря, является замѣчательный примѣръ, что вдова великаго князя принимаетъ бразды правленія. Безъ всякихъ беспокойствъ и притязаній съ чьей либо стороны, поддерживаемая воспитателемъ своего юнаго сына и воеводою покойнаго супруга, она правила государствомъ съ достоинствомъ и энергіей. Но вотъ вопросъ: была ли *Ольга* великою княгинею или только правительницею государства, въ качествѣ регентши? Игорь оставилъ только одного малолѣтняго сына Святослава; поэтому и теперь, по сходству случая, слѣдовало бы вступить на престолъ одному изъ ближайшихъ родственниковъ и воспитывать юнаго наслѣдника. Но Игорь палъ въ битвѣ и не назначилъ себѣ преемника, а между нѣсколькими, равно близкими родственниками право наслѣдства верховной власти могло быть сомнительно, о чемъ, можетъ-быть, менѣе всего жалѣла вдова великаго князя,

(*) Игоревиче возрастію, но хожаше по Олѣ и послушаше его (Нест. слич. Шлец. Ч. II, стр. 591).

(**) См. Древнѣйшее Русское Право въ историческомъ его раскрытіи. Соч. І. Ф. Г. Эверса. Перев. Ив. Платонова. Спб., 1835 г., стр. 24.

(***) Въ это время Игорю должно было быть около 40 лѣтъ отъ роду, потому-что, по свидѣтельству лѣтописца, онъ родился въ 865 году.

(****) Влѣто 6421 (913) поча княжити Игорь по Олѣ (Нест. слич. Шлец. Ч. II, гл. I, стр. 1).